

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ОТДЕЛ.

Развитие Коми письменности,

I. Стефановский период.

Коми письменность впервые выступает на сцену истории во второй половине XIV века, со времени появления в Коми край миссионера Стефана. Уроженец гор. В.-Устюга, Стефан, по прозвищу „Храп“, задавшись целью обратить зырян к вере христовой, и получив очевидно соответствующую поддержку из Москвы, усиленно готовится к своей предстоящей деятельности. Восхваляющий его в житиях монах Епифаний отмечает, что Стефан обладал „добропамятством, остроумием и быстротою смысла“, он „грамоте прилежаше, книгам всяким вычению издавсся, научи же ся в Устюге всей грамотней хитрости и книжне силе“¹⁾. В дополнение к своим знаниям он изучает зырянский язык, вооружаясь таким образом основным средством воздействия на массы.

Этому Стефану приписывается и составление в 1372—75 г. г. зырянской азбуки²⁾ состоящей из 24 основных букв „по числу букв греческого алфавита, иное по образцу греческих букв, иное-же согласно речи зырянского языка“³⁾.

Неправильно было бы думать, как это принято среди широких слоев населения, что азбука Стефана—это первейшая письменность у зырян. Гораздо раньше этого периода были в употреблении письменные знаки, отождествляющие собой не звуки, а целые представления,—этот, так называемый идеографический язык, представлял из себя не что иное, как совокупность зырянских пасов, которыми тогда пользовались для различных практических целей и следы которых дошли и до нашего времени.

Еще задолго до Стефана Пермская земля, где жили зыряне, вела солидную торговлю с Новгородом.

Самая разнообразная пушнина обменивалась на предметы из железа, на лук, стрелы и на другие вещи нужные для борьбы с суровой природой Севера.

В обстановке торговой жизни, при наличии связи с более культурными народами, зыряне встречали необходимость ввести в обиход жизни употребления письменных изображений—знаков для обозначения различных актов купли—продажи.

Поэтому не исключена возможность, что письменные значки; или так называемые зырянские пасы, имели в повседневной жизни большое распространение.

¹⁾ Епифаний—„Житие св. Стефана“.

²⁾ Зырянская азбука сохранилась в подлиннике и была уже известна в начале 16 в. из рукописной книги „Кормчая“ (иначе Номоканон). Впервые эта азбука напечатана в Истории Госуд. Росс. Карамзина в 5 томе.

³⁾ Михайлов, зырянин, автор статьи „Устьвымь“ и П. И. Савваитов (проф. С.-Петербурга, духов. Семинарии) полагают, что за основу стефановской азбуки взят не греческий и славянский алфавит, а Зырянские пасы и славянское начертание букв.

Г. Лыткин глубже и подробнее исследовавший этот вопрос держится противоположной точки зрения.

Из памятников, подтверждающих существование изображений—пасов, дошел до нашего времени деревянный календарь,⁴⁾ где особыми знаками обозначены церковные праздники. Составление этого календаря приписывается также Стефану. насколько это достоверно судить пока трудно, но гораздо интереснее вопрос о том, откуда Стефан, если он является автором взял эти знаки.

П. И. Савваитов (проф. в 1857—60 г. г. С.-П. духовной Семинарии) за разрешением этого вопроса обратился к Академии Наук в С.-Петербурге, где хранились жезлы и палочки, с помощью которых финские народы отмечали времяисчисление до и после принятия христианства. Вот что он пишет:⁵⁾ „Сличая знаки какие находились на тех жезлах и палочках (например, знак лошади при 26 Апреля, флаг при 2 мая и др.) с нарезками зырянского календаря, я убедился, что между ними есть замечательное сходство. Известно, что времяисчисление составляет весьма важную потребность и в религиозном и в гражданском и в домашнем быту: в религиозном—для своевременного совершения религиозных обрядов и торжеств; в гражданском—для собрания и внесения податей и повинностей для отправления разных служб и т. п., в домашнем быту—для приготовления хозяйственных орудий, для начала известных работ и т. д. Поэтому-то у различных народов всегда были в употреблении какие-нибудь способы времяисчисления, например, посредством медных, каменных или деревянных брусков, палочек, дощечек и пр. У финских народов издавна был в употреблении способ времяисчисления посредством деревянных жезлов и палочек. Кроме сохранившихся до нас вещественных памятников, мы имеем и письменные доказательства об этом: Олаф Магнус в своей „Истории Северных народов“, рассказывает, как старик финн учит молодого человека считать время на деревянных жезлах. Такие деревянные жезлы и палочки или календари, конечно, были и у того финского племени, которое известно под именем Пермлян, или Зырян, еще до Стефана. И это самое орудие, которое Пермлякам язычникам служило напоминанием о торжествах языческих, мудрая сообразительность Стефана делает орудием для истребления самой памяти о язычестве и для принятия новых христианских понятий: вместо праздника жомалы (jen). Војпелья, Золотой баба и, может быть, других божеств, на деревянных календарях Пермлян указываются им праздники Рождества Христа, Богоявления, Сретения Господня, Рождества, Благовещения и Успения Богородицы, дни памяти великих святых, а по смерти св. Стефана просвещенный и благодетельствованный им народ отмечает на тех же календарях и день кончины своего просветителя и благодетеля.

Достоин замечания, что на календарях, присвоенных Стефану, хозяйственные знаки сохранились те-же, кои находим и на календарях древнейших (лошадь, флаг, стрела и др.). Это обстоятельство ведет к тому заключению, что и между прочими нарезками остались знаки прежних языческих календарей, только с новым христианским значением“.

Мы не знаем, в какой степени прав П. Савваитов. Очень возможно, что Стефан Пермский и позаимствовал для своего календаря те начертания, которые были на вышеупомянутых жезлах и палочках, если последними зыряне язычники действительно пользовались для времяисчисления.

⁴⁾ Деревянный пас—календарь имеется в 4-х экземплярах в Устьсысольском музее.

⁵⁾ П. Савваитов—О зырянских деревянных календарях и о Пермской азбуке, изобретенной св. Стефаном, стр.—7, 8 Москва 1873 года.

Но возможно и другое предположение, что Стефан для своего деревянного календаря использовал обыкновенные пасы—иероглифы, игравшие в жизни коми народа большую роль и имевшие большое распространение.

Зыряне жили и живут в лесах. Необходимость более или менее безошибочно ориентироваться в лесу во время охоты, или промыслов, важность отмечать (пасявны) свои охотничьи принадлежности и нужные предметы домашнего обихода, а также особыми отметками ограждать себя, в силу различных верований, от злых духов—все это приводило к распространению особых пасов—знаков, передававшихся из поколения к поколению.

Пасы и в настоящее время в глухих деревнях, а также среди охотников, играют далеко не второстепенную роль. Коми морт в пределах целого района, по этим пасам прекрасно читает, безошибочно определяя кому принадлежит данная вещь или данное лесное угодье, и или в каком направлении следует искать дорогу в лесу и т. д.

Надо полагать, что дошедшие до нас зырянские пасы имеют значительно более раннюю историю, нежели Стефановский календарь.

Стефан Пермский, хорошо знавший жизнь зырян, вполне естественно мог воспользоваться для своего календаря уже готовыми, наиболее общепотребительными пасами, взятыми возможно из области религиозного ритуала.

Эта мысль до известной степени находит свое подтверждение в том сходстве, которое мы замечаем между знаками стефановского деревянного календаря и между пасами—иероглифами, которые были собраны в разное время среди коми народа⁶⁾. На Стефановском календаре имеется 42 знака. Из них 10 знаков очень близко похожи друг на друга. Остальные 32 различны. Сличение этих знаков с зырянскими пасами в 22 случаях из 42 знаков дает поразительное сходство.

Таким образом, азбука Стефана, как письменность, обоснованная на фонетических особенностях языка, представляет уже большой шаг вперед в сравнении с ранее существовавшей идеографической письменностью у зырян.

С введением азбуки начинается кропотливая работа по созданию зырянских книг. Стефан, будучи еще монахом Ростовского монастыря, (1365—1379 г. г.) книги русские на Пермский язык „преведе, переложи и переписа“. Стремясь легче достичь поставленной цели—обратить зырян христианской вере, Стефан переводит важнейшие места литургии, которые поются и читаются вслух, а так же евангельские чтения и послания апостолов.

К сожалению эти переводы в виде подлинников, написанных Стефановским шрифтом, не дошли до нашего времени, если не считать надписи, приписываемые Стефану, найденные во II половине 18 стол. на иконе „св. троица“ и в I половине 19 стол. на образе: „сошеств. св. духа“⁷⁾.

⁶⁾ Оттиски зырянских пасов хранятся в нескольких экземплярах в Устьысольском музее; на этих оттисках имеется 110 пасов, отличных друг от друга, некоторые из них благодаря своей оригинальности дают достаточно оснований для специального их изучения.

⁷⁾ Священник И. Верюжский в своей книжке: „Святой Стефан епископ Пермский“ (изд. Троице-Серг. Лавры, 1896 г.) кроме этих двух икон отмечает, что в 17 верстах от Яренска в церкви с. Иртовского есть деревянный образ „нерукотворенного Спаса“, написанный в большом размере в деревянном византийском стиле самим Стефаном. Верюжский не упоминает ни о какой надписи. Очевидно, ее на этой иконе не было. Но он в той-же книжке определенно указывает, что в Венденской часовне на Удоре сохранился деревянный крест, приписываемый Стефану. На кресте имеются надписи, которые „в настоящее время уже нельзя разобрать, т. к. буквы во многих местах сгладились и неизвестно—на русском или на зырянском языке сделана была надпись“.

Проверить достоверность этих сообщений нам не удалось.

Подробности открытия этих памятников прошлого таковы:

„В 1788 году корреспондент С.-Петербургской Академии Наук, Устюжский штаб-лекарь Яков Фриз в Вожемской церкви, в волости, отстоящей от г. Яренска вниз по Вычегде в 40 верстах, сыскал древнюю икону св. тройцы или трех ангелов, посещавших праотца Авраама у Мамврийского дуба. Вверху на сей иконе надпись славянскими буквами: „Образ святой живоначальной Троицы“, но под главами трех ангелов, также Авраама и Сарры, надпись имян их зырянскими буквами и внизу под иконами надпись в шести строках теми же буквами. Помянутый штаб-лекарь, тогда же сняв со всех сих зырянских подписей копии, (однако-ж не весьма верно) послал в С.-Петербург при письме к академику Фуссу, который представил их Академии наук, а от оной напечатаны они в 6 томе новых академических актов 1790 года с экстрактом из Фризова письма и с историческим известием академика Лепехина о обращении зырян и письменах их, почерпнутых из жития Стефана, епископа Пермского, напечатанного в четьи mineях. Икону сию после того Вологодский архиепископ Арсений взял в Вологду и поставил в Софийском соборе на правой стороне против епископского места, где она и ныне находится, а в Вожемскую церковь послал точный список (вернее копию Д. Б.).

Икона сия вышиною в 1 арш. 10 в., а шириною 1 арш. и $\frac{1}{2}$ вершка. Многие в зырянских словах буквы при покрывании недавно иконы сей ланком слиняли, но их можно частью подправить из Фризова письма, в академических актах напечатанного. Но зырянских на ней надписей до ныне никто еще из самих зырян прочитать и уразуметь не мог⁸⁾.

В течение почти столетия эта надпись оставалась загадкой, продолжая привлекать внимание ученых. И только во II пол. 19 в. П. Д. Шестакову удалось расшифровать ее путем: а) подыскания славянского текста о св. Троице из церковных книг, б) перевода славянского текста на зырянский в) переписывания последнего стефановскими письменами и сличения их с письменами на иконе.

Таким же образом Шестакову удалось прочесть и вторую надпись на иконе св. духа, найденной в упомянутой выше Вожемской церкви в 1830 г.

Впоследствии Г. С. Лыткин, природный зырянин, внес в Шестаковские переводы ряд корректив, исправив темные, неверные места текста и этим окончательно восстановил подлинный текст Стефана.

Приведем здесь текст одной из икон, как документ небезинтересный по истории коми письменности:

Перевод Стефана:

Гег вылмössic јен Авраамлы
Мамбрі тупу дорын, пукуылы сылы
бэџс воэын чимлön луншöрö.

Вісіс Авраам ас өінјасöны, азыс
ас өінмöн, воча 3 верöс сулалö ма-
тыд сылыс, аззымыс пышјіс воэа
нылы ас чомлön бэыс дорысöі: јур-
бытис муöзы.

Перевод Лыткина:

Сегга педкöдчыс јен сылы (Ав-
раамлы Мамврі тыпу дорын, кодыр
сыö пукалыс чом бэџс воэын лун-
шöр.

Віöдліс Авраам өінјаснас, аззыс,
3 верöс сулалö сы воэын матын;
азöмыты пышјыс ныјалы воча ас
чом бэџс дорсан, јурбітыс муöз.

⁸⁾ О зырянском народе и зырянских монастырях—Вол. губ. ведомости № 1, 1839 г. (Из Устьсысольского архива). То же самое отмечено и в летописи Устьсысольск. Троицко-го Собора под годом 1788).

Шыс сыз (Мезö): јенмö, бурасö аҗымкö меданым те воҗад, ас верыд вылтi ин мун,

Med вагс ва мыскыныс пыдöс тiяны, сaймöдчiадныд тупу дыныд.

Вагасныс һаныас, мед гоiадныд сөг мунадныд ыв туiö, кодыдлыг кeжiдныд ас вер opдöi. Шысныс: сыз *ужал, куҗi шыны.

Пышiс Авраам Сара opдö чöмысöi, шыс: термöдчы, лöi 3 тагты сöстөм пыс, ужал 3 колдөм һань.

Пышi Авраам мöсiöс opдö, кутiс җöль öшöс, бурöсi, гетiс сiiö верлы регид дагты сы.

Богтiлөм выј, öл, кук, kodöс дагтiсi; пугтiс ны воҗыны, гоiсныс; (ачыс) вiҗiс ны воҗын тупу дын⁹⁾.

Шуҗыс: јенмöј, бурсö аҗымкö меданым, те воҗын, ас кесҗалысыд дынты ен мун.

Med вагас ва мыскыны кок пыдöс тiјанлы, мед сaјмöдчыланныд пу улын.

Баја һань, мед гојанныд, сөгга муннанныд ыл тујö, kodгаң кeжлынныд ас кесҗалыс opдö. Шуҗысны: сыз кер, куҗ шуын.

Пышҗыс Авраам Сарра opдöчомас, шуҗыс: термöдчы, лој 3 тагты сöстөм пыҗ, кер 3 колдөм һань.

Пышҗыс Авраам мöсҗас дорö. кутыс җöля öшöс, бурöс, гетыс сыöс зонлы: регид дагты сыöс.

Богтылөм выј, јөл, кукöс, kodöс дагтысны, пуктыс ныја воҗын; гоҗсны; ачыс-нö вiҗöдыс ныја воҗын пу улын.

Из прочих памятников древности, проливающих некоторый свет на первоисточники зырянской письменности, мы имеем рукописи „божественной литургии“, найденные в разное время в количестве нескольких экземпляров, переведенных различными лицами. Укажем на две из них. Одна, притом самая древняя, относящаяся к 17 столетию, была найдена ученым И. Вихманом в 1902 году в Московском Обществе истории и древностей российских. Эта рукопись написана церковно-славянскими буквами, которые имеют знаки ударения. Конец рукописи оторван. Указывается, что в конце книги были помещены все зырянские письмена.

Это обстоятельство заставляет предполагать, что тот первоисточник, которым пользовался переписчик, был написан стефановскими письменами¹⁰⁾.

Другая рукопись, найденная академиком Лепехиным на территории теперешнего Сысольского уезда во время его научной поездки по Северным губерниям в 1771 году, тоже написана церковно-славянскими буквами, но имеет ряд отличий от Московской рукописи, найденной Вихманом, отличий, которые заставляют предполагать, что лепехинская рукопись более поздняя.

Г. Лыткин в своей книге: „Зырянский край“ приводит из лепехинской рукописи нижеследующие отрывки:

- 1) Тропарь на крещение господне.
- 2) Первое послание св. апостола Павла к Фессалоникийцам, [IV.
- 3) Евангелие от Иоанна, V.
- 4) Херувимская песнь.
- 5) Достойно есть.
- 6) Символ веры.
- 7) Молитва господня (отче наш...).
- 8) Серафимская песнь.

⁹⁾ Г. Лыткин—Зырянский край, стр 27.

¹⁰⁾ И. Вихман—Краткий очерк научной поездки к зырянам. Гельсингфорс, 1903 г. Перевод В. Вульферт в рукописном виде хранится в Устьсысольском музее.

Устьвымский—Яренский летописец упоминает, что в 1373 г. изобретена зырянская азбука и начат перевод священных книг на зырянский язык. В том числе переведены псалтирь и часослов¹¹⁾. Насколько верны эти данные летописи о переводе часослова и псалтири сказать трудно. Кроме вышеуказанных рукописей литургии никаких зырянских книг не найдено.

Исследователи Зырянского края объясняют эту утрату определенными причинами, выставляя в качестве аргументов: а) великий Устьвымский пожар 1740 г., оставивший из ценностей Устьвыма только 4 иконы; (Уст. Росс. иерархии. Вол. губ. вед. № 1 за 1839 г.), б) невежество низшего духовенства (Татищев); в) отобрание и переброску этих рукописей в г. Вятку (ак. Лепехин).

Упомянутый выше Савваитов в своих предположениях идет гораздо дальше, предполагая что отрывки „божественной литургии“ были написаны Стефаном не зырянским шрифтом, а русским, что „письмена, изобретенные св. Стефаном, употреблялись только там, где народ мог видеть их, напр., на иконах“¹²⁾.

Как бы то ни было, но несомненным является тот факт, что стефановский период впервые положил начало фонетической зырянской письменности и созданию зырянских книг, находивших свое практическое применение и дававших надежду на дальнейший успех своего развития.

Д. Борисов.

(Продолжение будет).

Вотяцкая литература.

Вотяцкая литература в широком смысле этого слова ведет свое начало с 1800-х годов. С этого времени на вотяцком языке начали впервые появляться печатные произведения, главным образом религиозно-нравственного характера (переводы различных богослужебных книг). Отдельные языческие и краткие тексты, вотяцкие имена встречаются в актах и судебных делах в начале XVI века. В 1735 году был впервые составлен небольшой вотяцко-русский словарь. Первая грамматика вотяцкого языка была написана в 1775 году. В 1820-х годах вышел первый перевод на вотяцком языке священной истории и катехизиса, сделанный Гр. Решетниковым. Первый букварь для вотяцких детей был составлен и напечатан в 1847 году. В 1889 году вышел зырянско-вотяцкий словарь. В 1892 году вышел славяно-вотяцкий словарь.

Вплоть до революции 1905 года литература заполнялась исключительно изданиями миссионерских обществ (братство св. Гурия в Казани и Миссионерский Комитет в Вятке). Учебники и сельско-хозяйственная литература издавалась в крайне небольшом количестве; их издание было сопряжено с большими трудностями цензурного характера.

Революция 1905 года докатилась и до вотяков. В ряде районов (напр. Н.-Мултан) вотяки подняли противоправительственные восстания. Дан был сильный толчок развитию среди вотяков социал-демократических идей.

¹¹⁾ Устьвымск.—Яренский летописец. Напеч. в Вологодском Иллюстрирован. календаре 1894 г.

¹²⁾ Г. И. Савваитов—О зырянских деревянных календарях,—Москва 1873 г.

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ОТДЕЛ.

Развитие Коми (зырянской) письменности.

(Продолжение).

2. Послестефановский период.

Деятельность Стефана среди зырян продолжалась примерно с 1379 г. по 1396 г., включая сюда и поездки в Москву и Новгород.

Известно, что проповедь его по распространению христианской веры имела успех. За этот период времени, помимо Устьвыма был организован ряд центров по насаждению религии. Были устроены церкви и пустыни в Вотче, в Ульяновке, в Яренске и в Цилибе¹³⁾. О существовании школ при этих церквях ничего не известно. Епифаний, жизнеописатель Стефана, отмечает лишь об успехе и распространении родного языка и родной грамоты. „И попове его, говорит Епифаний, пермским языком служаху обедню, заутреню же и вечерню и канонархи его по пермским книгам канонархаху, певцы же всяко пение пермски возглашаху“.

Таким образом, казалось, были созданы все необходимые условия для развития зырянской письменности, зырянской грамоты. Преемникам Стефана оставалось лишь по готовым путям продолжать уже налаженное дело своего учителя.

Однако, случилось так, что вскоре после смерти Стефана, зырянская грамота, а вместе с ней и зырянская письменность были преданы забвению.

Иначе, конечно, в условиях жизни этого времени вряд-ли могло и быть.

Зырянская письменность не имела надлежащей почвы для своего развития, не представляла достаточного спроса на родную грамоту. Зыряне находились тогда под постоянной угрозой нападения со стороны новгородцев — ушкуйников. Эти враги частенько грабили зырян. Как при Стефане, так и после него, вся история зырянского народа есть не что иное, как история беспощадной эксплуатации этого народа то государственными чинов-

¹³⁾ Последние два селения находясь сейчас на территории С.-Двинской губернии и населены русскими. В этих районах теперь остались лишь некоторые следы проживания зырян, в лице сохранившихся зырянских названий селений и рек. (Ир-ты — глуб. кое озеро, Черва — приток, маленькая речка, искаженные зыр. названия, Цилиб, Шонам, Вожем, Тохты и т. д.

В Яренском районном музее имеется 6 (шесть) деревянных статуй, изображающих сидящего Христа в терновом венце и окованного в цепях. Характерно, что четыре самых древних изображения представляют из себя резко отличительный восточный тип. Работники этого музея относят эти статуи к Стефановскому периоду. Если иметь в виду, что черты лица на иконах и на статуях обычно изображаются с типичных представителей данного населения, можно легко допустить о существовании в пределах этих мест народа отличного от русских. Таким народом были, конечно, зыряне, а может быть и их предшественники

Между прочим, по Степенной книге народ так называемый Пермь составлялся из следующих разветвлений: „двиняне, устюжане, вилежане, пинежане, южане, серьяне, гангане, вятчане, корела, югра, печера, вогулицы, самоедь, пертасы, Пермь; гамаль чюсовая“.

никами, собирателями дани, то окружавшими внешними врагами. Зырянам, народу сравнительно миролюбивому, далеко было до спокойной жизни. Борьба за существование была слишком жестокой. Защищаясь то от внешних врагов, то от суровой северной природы, а также следуя за своей добычей, пушными зверями и дичью, зыряне постепенно разветвлялись, продвигаясь вглубь лесов по притокам р. р. Вычегды и Мезени. О надлежащей связи между этими разветвлениями тогда не могло быть и речи. Обособленность отдельных поселков и починок, а также отдаленность их от главных проезжих речных путей были выгодны в экономическом отношении. По крайней мере они обеспечивали мирную жизнь и давали некоторую гарантию за будущее.

Дремучие леса по притокам небольших рек по справедливости можно назвать колыбелью зырян. Леса привлекали внимание своими богатствами и безопасностью. Леса, можно сказать, сохранили зырян.

Это было хорошо с одной стороны и плохо с другой. Во-первых, плохо в том отношении, что беспорядочное расселение и изолированность друг от друг ослабляли оборонительную способность населения. За богатствами пушнины враги тянулись со всех сторон, а организованной и достаточной защиты со стороны аборигенов края не было. Этим в значительной степени объясняются неудачи зырян в борьбе с ушкуйниками. Плохо, во-вторых, потому, что постоянное ожидание опасности лишало возможности нормального развития экономической жизни. Не могло быть надлежащего обмена продуктами труда среди самих зырян. Торговля пушчиной часто прекращалась. Население нередко испытывало большие неудобства из-за недостатка хлеба.

Тяжелым бременем ложилась жизнь того времени на плечи зырянина. Новый христианский бог, привнесенный Стефаном, оказался таким же беспомощным, как и языческие деревянные идолы. Разочаровавшись в нем, многие семейства уходили в глушь лесов и там замыкались, предаваясь прежним языческим молениям и обрядам¹⁴⁾.

Так создавались после Стефана условия жизни, мало способствовавшие распространению зырянской письменности. Практической надобности в последней и не было. Учрежденная специально для узкой практической надобности—обращения зырян христианской вере—с распространением последней письменность потеряла сразу свою острую необходимость.

В церквах уже прекрасно справлялись на славянском языке и славянскими книгами. Внутри зырянского населения по причинам указанным выше, родная письменность тоже не могла найти подходящей почвы для своего развития, а для общения с русскими торговыми людьми она не годилась. Так постепенно стухевывались пермские письма, исчезали пермские книги, сыгравшие свою роль при Стефане Пермском в качестве

¹⁴⁾ В самом конце 15 столетия Московский митрополит Симон по поводу возобновления зырянами отдаленных пределов прежнего идолопоклонства написал на имя князя Велико-пермского Матфия Михайловича следующую грамоту:

„Письмо к слуге Великого князя, князю Матфию Михайловичу Пермскому, и ко всем пермичам, большим и меньшим людям, мужам и женам, юношам и младенцам.

„... А кумиром бы есте не служили, и треб их не принимали, ни Войпелю бовану не молитесь по древнему обычаю и всех богу ненавидимых тризниц не творите идолом, ни женитв незаконных не чините, якоже слышу о вас, что поимаются в племени по татарскому обычаю: кто у вас умрет, и второй его брат жену его поимает и третьей его брат также творит; и жены ваши ходят простовласы, непокровенными главами, ино то чините не по закону христианскому“.

(Послание Ростов. митроп.).

главных средств распространения христианской веры Эта печальная участь, к которой подвергалась зырянская письменность, была подготовлена всем ходом общественно-экономической жизни.

К числу второй важнейшей причины быстрого упадка зырянской письменности следует отнести недостаточное внимание и заботы к ней со стороны правящих верхов, преемников Стефана. Еще при жизни последнего среди русского духовенства замечались отдельные веяния не в пользу развития зырянской литературы. „Некий же реша: почто ли сотворени суть книги Пермския? Аще ли и се тебе есть, достояше паче русская готова сущи грамота, юже предати им и научити я“. (Епифаний — житие св. Стефана).

Это отрицательное влияние в то время было вполне естественно.

В самом деле, можно-ли было ожидать нужных забот о новом детище — письменности со стороны малообразованного русского духовенства, в руках которого очутилась в то время судьба вновь зарождавшегося национального печатного слова? Утвердительного ответа на этот вопрос мы не находим. О зырянской письменности заботиться было некому. Пермские епископы, преемники Стефана, назначались из русских. Среди них только отдельные наиболее передовые личности, удосуживались уделять свое внимание на зырянский язык и его развитие.

В какой степени после Стефана зырянская письменность имела свое практическое применение сказать трудно Данные об этом чрезвычайно скудны. В истории деятельности пермских епископов мы почти ничего не находим о развитии родной школы и родного слова. Надо полагать, что нерадение к ним началось сразу же после смерти Стефана. Известно например, что пермский епископ Питерим, умерший в 1455 году, оставил после себя труды: „Житие св. Алексея митрополита“, несколько канонов и тропарей. Все эти работы были написаны на славянском языке. Никаких переводов на зырянский язык им не оставлено. Очевидно, уже в этот ранний период, период первых десятилетий после Стефана, зырянский язык становился чуждым для верхов духовенства и с достаточной легкостью заменялся славянским языком, находившим более легкое применение в церковной службе. Можно без преувеличения сказать, что пермские епископы в общем не сумели оказать нужной поддержки делу развития зырянской грамоты. Из целой плеяды епископов Пермской епархии упоминается лишь один — Филофей, известный тем, что он изучал зырянский язык и наблюдал за образованием детей в приходских школах.

Филофей, шестой Устьвымский епископ, вступивший в управление епархией в 1471 году, не только владел зырянским языком, но, очевидно, иногда и пользовался им при письменных сношениях. Так, однажды, проверив присланную собором и митрополитом новую пасхалию на седьмое десятилетие он подписался под ответной грамотой митрополиту по-зырянски, но уже не стефановскими письменами, а церковно славянскими. Повидимому к этому времени стефановская письменность была уже забыта. Филофей был последним епископом, жившим в Устьвыми.

В 1492 году Устьвымская, или Пермская епархия была присоединена к Вологодской. Епископы пермские после этого стали жить в г. Вологде. Это обстоятельство еще в большей степени способствовало к забвению зырянской грамоты. Некому стало следить за ней. Затруднилось руководство просвещением и без того приходившим в упадок Начало XVI века — эта эпоха окончательного замирания зырянской грамоты и письменности.

Период возникновения зырянской переводной литературы.

Зырянская письменность заглохла. Стефановский алфавит был навеки погребен. Его место заступил алфавит церковно-славянского языка.

Таким образом, сама жизнь повела зырян по пути наименьшего сопротивления, избавив их от необходимости одновременного знакомства с двумя письменностями—„с родной, ненаходившей практического применения и славянской, служившей для нужд церкви“, — что по тому времени было, конечно, очень трудно

Однако, замена стефановского алфавита славянским ни в коей степени не означала еще окончательной гибели родного слова. Обучаясь в чужой школе, по чуждым книгам, не понимая смысла читаемого, обычно, начинаешь еще больше любить свое родное слово, родной язык. Это особенно понятно должно быть зырянам, в продолжение ряда столетий не знавшим своей родной школы. Можно было забыть зырянский алфавит, большой беды в этом еще нет, но нельзя было заглушить потребность в родном слове. Стефановской азбуки не стало, но с достаточным успехом, хотя и не совсем верно, с точки зрения фонетики, зырянскую речь можно было передать и славянскими письменами, которые имели тогда широкое распространение. Жизнь повела зырян по этому последнему пути.

В XVI—XVII в. в. вновь начала создаваться зырянская литература, но уже часто переводного характера, и притом написанная славянским шрифтом. Нужно сказать, что работе в этом направлении предшествовали очень важные обстоятельства.

Пермская земля, находившаяся до сих пор в зависимости то от Новгорода, то от Москвы, вначале XV века окончательно подпала под владычество Москвы. Москва, претендовавшая на могущество в России, естественно, враждовала со своим главным соперником и противником—Новгородом. С присоединением Пермской земли Москва взяла сразу ее под свое покровительство, запретив новгородским ушкуйникам какие-бы то ни было набеги и грабежи в пределах Перми Великой.

С другой стороны и духовенство оказалось вынужденным по серьезней взглянуть на очаги язычества, о которых мы упоминали выше и которые внезапно вспыхивали то в одном, то в другом месте. Для искоренения этих очагов требовалась популяризация христианской веры посредством родного слова, требовалось распространение богослужебных книг на родном языке.

Д. Борисов.

(Окончание следует).

Развитие Коми (зырянской) письменности.

(Продолжение).

Так сама жизнь подводила к необходимости возрождения зырянского печатного слова. Первыми ласточками зырянской литературы, в то время могли быть, конечно, переводы церковных книг. Из этих переводов дошло до нас несколько экземпляров литургии. Переводы—рукописи, эти важнейшие исторические документы, дают основание думать, что работа по созданию церковных книг на коми языке шла с огромными трудностями.

Известно, что книги тогда не печатались, а писались от руки. Размножение рукописных книг возлагалось на переводчиков. Их было очень много и часто сами они оказывались малограмотными, иногда плохо владевшими зырянским языком.

Славянский алфавит, на котором тогда писали зырянские книги, не мог со всей точностью передавать зырянскую речь. Вследствие всего этого содержание и язык переводов подвергались беспощадным искажениям. Трудность создания книг вызывалась еще и недостатком источников для переводов. Возможно приходилось писать урывками, время от времени заимствуя оригиналы от церквей—книгохранилищ того времени. По этой же причине, недостатку рукописей, очевидно случалось переводчикам пользоваться не только славянскими источниками, но и Стефановскими книгами, написанными пермскими письменами. В этом нет ничего сомнительного.

В начале XVI века среди переводчиков, еще могли оказываться лица, знакомые с пермской письменностью. Кроме того, во всех затруднительных случаях при переводе можно было обращаться к пермской азбуке, как к справочнику. Эту азбуку, с названиями букв в виде списка, переводчики оставляли в конце своих трудов. Несколько таких названий азбуки найдены вместе с переводами и приводятся исследователями этого вопроса.

Так, академик Лепехин приводит названия букв пермской азбуки в следующем виде: А, Бук, Вой, Гой, Дой, Ежой, Жой, Зата, Зита, Коке, Лей, Мено, Нено, Пей, Рей, Сий, Тай, Цю, Черы, Шуй.

Миллер, нашедший азбуку в одной древней рукописи под названием „О житии и делах Стефана“ отмечает следующие названия:

Ан, Бар, Гай, Дой, Е, Жой, Зата, И, Коке, Лей, Мено, Нен, О, Пей, Рей, Си, Тай, Цю, Чоры, Шой, Ю, Я.

В конце одного древнего экземпляра зырянской обедни, написанной славянскими буквами найдены два списка зырянской (пермской) азбуки.

Названия первого из них: Ан, Бар, Гой, Дой, Ежой, Кой, Зата, Зита Коке, Лей, Мено, Не, Он, Пей, Рей, Са, Той, Цю, Чоры, Шой, Ири, Ей, Ю, ѿ.

Другой—полнейший из всех, в виде послесловия приложен в той же рукописи к первому списку, с следующим сравнением с другими азбуками: „у жидовския же азбуки первому слову имя Алфар, а греческия Алфа, Вита, а у Сурьянска Ане, Фобе, а у Югорския—Афака, Васака, а у русския—Аз, а у Пермския—Аз, Бур, Гай, Дой, Ежой, Джой, Зата, Зита, И, Кое, Лей, Мено, Не, Во, Пей, Рей, Сий, Тай, Цю, Черье, Шюй, Ё, Е, Ю, ѿ. 15).

Уже одно беглое сравнение этих списков приводит к заключению, что книги на зырянском языке переводились в разное время, что переводчики в отношении грамотности были весьма и весьма сомнительны, допуская искажение даже в названиях зырянской азбуки, попадавшей из одной книги в другую.

Кроме церковных писаний были попытки перевода и светских книг. Практика жизни требовала свое. Необходимость в таких книгах, с содержанием которых постоянно соприкасаются массы, не могла не чувствоваться. Из таких книг, переведенных на зырянский язык, мы можем отметить „судебник“, о котором стало известно по местным архивным бумагам. Этот зырянский судебник оказался в числе изъятых от Устьвымских церквей грамот и рукописей. Изъятие произведено было Вологодскими епископами Варлаамом и Арсением в середине XVII века. 16).

О прочей переводной литературе этой эпохи для нас ничего неизвестно. Надо полагать, что дальше этого развитие литературы не шло. Причины ясны.

Пермская земля, некогда пользовавшаяся самостоятельной формой управления, постепенно становилась провинцией России.

Экономическое значение Перми отпало. Русская культура, окружавшая зырян, проникала во все поры их жизни. Русский язык становился господствующим культурным языком.

Овладевание русской грамотой и для зырян становилось очередной задачей, хотя и очень не многим доступной по своей трудности. Начавшаяся еще после Стефана руссификация, теперь начала чувствоваться значительно сильнее. О маленькой нации, затерявшейся в дремучих лесах, некому было думать. Для нее, как и для всех других, не делалось никакого исключения русскими правителями.

Сношения по мирским делам велись на русском языке. В школах дьячки и писцы обучали русской грамоте. Русская письменность понемногу вытесняла церковно-славянскую. В начале XVII века среди коми народа было уже немало людей, владевших русской грамотой и применявших ее даже в качестве средства сношения с Москвой. 17).

15) Вологодские губ. Ведомости № 17 за 1850 г. статья Михайлова—„Устьвымь“.

16) Упомянутый выше М. Михайлов находил ордер о высылке этого судебного у дьякона Устьвымской Архангельской церкви В. Мотохова.

17) В 1604 году 15 января крестьянами Сысольской земли, поселений Межадорской Визингской, Киберской и Чухломской была отправлена посыльная грамота, врученная Собане Гришеву для доставления в Москву с „данными и оброчными деньгами и для челобитья по мирским делам“. Эту грамоту по-русски написал Сысольский земский дьячек Якишко Максимов. „Послух Федко Иванов сын руку приложил“. Поручик „Офона руку приложил“.

Акты относящиеся до юридического быта древней России—т. 3. 1884 года, С.-Петербург.

Русское влияние глубоко пускало свои корни. Зыряне с каждым годом утрачивали свою самобытность. Поверхностному взгляду трудно было в бытовом отношении делать различие между зырянником и русским. Так, Эбергард Избраннедес, отправленный в 1692 году из Москвы в Китай в качестве посланника, проехал через Вологодскую и Пермскую губернии. Он отзывается о зырянах так, что они ни одеждой, ни жилищами, ни бытом, не отличались от русских, но управлялись своими выборными судьями и в случае недовольства апеллировали в Москву в канцелярию иностранных дел.¹⁸⁾

Подобная ассимиляция сделалась еще более легкой, когда в порядке переселений русские и зыряне стали встречаться на облюбованных земельных участках. На огромной территории, заселявшейся зырянами, таких встреч, надо думать, было не мало.¹⁹⁾

Так, волна руссификации захлестывала остатки зырянской письменности и литературы, которые к концу XVIII столет. потеряли уже почти всякое практическое значение. Из церковей зырянский язык оказался изгнанным.²⁰⁾

В светской жизни на первом плане стояла русская грамота и через эту чуждую грамоту зыряне стали вбирать в себя культуру и образование у более высоко стоящего соседа—русского народа. Мало того, с помощью чуждого языка, отдельные личности получили возможность взглянуть на прошлое своего народа и успели положить начало по восстановлению родной уже научно обоснованной письменности,

(Окончание следует).

К истории заселения Ижмы.

А. Мартюшев.

„История Коми во всей ее совокупности может быть тогда лишь правильно освещена, когда мы подойдем к ней на основании данных языка, этнографии и исторических документов. Серьезное и глубокое изучение этих трех сторон даст возможность современем нарисовать все стороны культуры Коми, оберегая от лишних фантазий, которые так часто имеют место в нашей действительности“,—так заканчивает краткую заметку

¹⁸⁾ И. Н. Смирнов — Пермь. Известия о-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете т. 9, вып. 2. 1891 г.

¹⁹⁾ В церковной летописи Ижемской церкви отмечается, что по устным преданиям старожилов первые обитатели Ижмы были выходцы новгородские—Ануфриевы, Истомины, Рочевы. Затем, к этим выходцам поселились из Вологодской губ. Яренского уезда, д. Глотовой Слободы 2—3 семейства. Эти последние были зыряне, от которых и получил Ижемско-зырянское наречие—смесь русского языка с зырянским.

Н. Ончуков—„Печерские былины“. Записки императорского Русского географического общества т. 30, 1904 года. С.-Петербург.

²⁰⁾ Переписчик одной древней рукописи (переписка относится приблизительно, к 1798 году) под названием: „Божественная служба на зырянском языке“, в предисловии отмечает следующее:

„...А и язык зырянский есть четвертый коренный или самопроизводный всего чудского народа, происходящего от чюда вообще в стране Сибирской обитающего и даже до Балтийского моря простирающегося под именем финнов, больше в женском поле природный их язык, хотя некоторые по российски знают, мужчины же равно как по-русски, так и по-зырянски говорят, да и служба уже не отправляется на зырянском языке кроме исповеди“.

Эта рукопись хранится в рукописном отделе Московской Ленинской библиотеки и значится в собрании рукописей Ундольского под. № 59.

Развитие Коми письменности.

(Окончание).

А. Период работы по созданию научно-обоснованной письменности
(19 — 20 в.).

1. Школа переводчиков.

Для получения элементарного образования зыряне вынуждены были проходить суровую школу.

Русская грамота давалась не легко. Несовершенные методы обучения требовали огромных усилий и продолжительного времени. Трудовое население не имело тяготения к школе. Самое слово „школа“ пугало детей. Духовенство, в руках которого находились тогда бразды культурного руководства, на дело просвещения смотрело лишь с узко ведомственной точки зрения. Для него важно было организовать систематическую подготовку низших служителей церкви—чтецов, дьячков, певчих и т. п. Для достижения этой, сравнительно небольшой, задачи можно было ограничиваться самыми примитивными школами, не требовавшими даже никаких расходов.

В начале 19 века подобные школы - примитивы устраивались в домах сельских священников. Там священники обучали детей своих прихожан русской и церковно-славянской грамоте большей частью безвозмездно. Однако, школы эти, лишенные средств, владели жалкое существование и среди населения не получили ни популярности, ни распространения. Простолудин не мог добиться образования. Последнее было уделом только избранных, которыми в первую очередь оказывались дети привилегированного сословия — духовенства, только они имели возможность уделять длительное время на обучение. Из среды духовенства, а также и зажиточных крестьян и торговцев выходили первые образованные по тому времени люди. Это были семинаристы, обучавшиеся главным образом в Вологодской духовн. семинарии и претендовавшие на должности сельских священников. Зыряне-семинаристы, а впоследствии и священники, в первой половине 19 века явились продолжателями зырянского печатного слова. Они занимались переводами на зыр. язык практически полезных брошюр и поучительных мест свящ. писания.

Так, в 1815 г. священник А. Шергин перевел на зырянский язык „Наставления о прививании предохранительной оспы“ и в 1823 году — „Евангелие от Матфея“.

Священник Объячевской церкви Багин, Лев Васильевич, „в 1821 году по предложению министра духовных дел и народного просвещения перевел Евангелие с русского на зырянский язык, обучал крестьянских

детей грамоте в своем доме безвозмездно, но оное училище с 1825 года уничтожено по несобранию учеников".

В 1823 г. по предложению министра духовных дел и народного просвещения переводил с русского языка на зырянский язык св. Евангелие в г. Устьсысольске свящ. Василий Шергин Небдинской церкви".¹⁾

Хотя переводная работа и производилась главным образом по предписанию высшего духовного начальства, все же она имела свое положительное значение в том отношении, что предохраняла от окончательного угасания еще теплившуюся искру возрождения родной письменности.

Но наряду с этим следует отметить и важнейший недостаток в переводной работе этой эпохи, недостаток, который вошел в историю под названием „дурной школы переводчиков“. Дело в том, что семинаристы-зыряне обучаясь в русских школах и в продолжении ряда лет соприкасаясь с русскими, откалывались от своего родного языка. Естественно, они забывали оригинальные слова зырянской речи и обороты с более отдаленным прошлым, легко заменяя их русскими словами. Так, постепенно, у них вырабатывался особый жаргон речи — смесь русского с зырянским. В переводной литературе этот жаргон, чуждый коренной зырянской речи, нашел достаточное отражение.

Но не только этим руссизмом грешили переводчики. Среди них находились лица, весьма слабо грамотные по-зырянски, искажавшие смысл содержания переводов и делавшие мало доступным это содержание для чтения и понимания. Если к этому прибавить отсутствие специального зырянского шрифта и печатного станка, легко себе представить те огромные трудности, которые встречались в деле популяризации зырянской письменной речи.²⁾

2. Научная работа по созданию зырянской письменности в 19 в.

В первой половине 19 века пути культурного продвижения Коми народа, как будто казалось несколько расчистились. В г. Устьсысольске была открыта школа повышенного типа—Уездное училище. Но и это училище зырянам не давало шансов на получение образования. Оно ни в какой степени не было приспособлено для зырян. Преподавание русских учите-

¹⁾ Ведомости по г. Устьсысольску и уезду онаго о церквах, причте и прихожанах Устьсысольского духовного правления за 1833 год (Устьсыс. архив).

²⁾ В качестве иллюстрации считаем не безинтересным привести здесь несколько примеров перевода отдельных слов и фраз, смысл которых даже для знатока зырянского языка является довольно темным.

Здоров—визя; (вместо „віца“).

Сустав—езви; (вместо „jözвыj“).

Сердце—селом; (вместо „сёлѳм“).

Смерть—сурым; (возможно вместо „кулѳм“).

Таможенная пошлина велика—Кань перпа и жидь; (на самом деле по всей вероятности нужно „наъ перјан ыжыд“).

Улица большая—пусыр и жидь; (вместо „пурьы ыжыд“).

Говори правду—воип вестанъ (вместо „вѳп вєкыда“).

Незнаешь, как бит будешь—Он тож кузи песо малаонъ; (вместо „он тѳд кузї песѳма лоан“) и т. д.

ией, не знавших зырянского языка, естественно, всю постановку учебного дела сводило к жестокой схоластике. Зыряне-учащиеся все содержание занятий брали исключительно механической памятью, заучивая наизусть целые книги. Разумеется, такая учеба была для многих непосильной. Через уездное училище отсеивались и продвигались вперед только отдельные талантливые зыряне.

Из выдающихся личностей этого периода времени, занявших видное место в истории развития зырянской письменности, заслуживают внимания Г. С. Лыткин (1835—1907 г.) ³⁾ и И. Куратов (1839—1877). ⁴⁾

Нельзя, однако, сказать, что Г. Лыткин был первым пионером в области изучения зырянского языка и письменности. Некоторый почин в этой области был положен значительно раньше его и при-том главным образом русскими и иностранными учеными. Так, еще во II-й пол. 18 века академик Лепехин собирал материалы, касающиеся зырян. Академик Видеман составил зыряно-немецкий словарь. В 1812 году Флеров напечатал первую зырянскую грамматику.

Неоднократно упоминаемый выше П. Савваитов в середине 19 века составил „Зырянскую грамматику“ и сделал попытку навести на целесообразный зырянский шрифт. Он отмечает следующую азбуку:

А	І	Ш
Б	Ј	У
В	К	Ц
Г	Л	Ч
Д	М	Ѣ
Е	Н	Ч
Э	О	Ы
З	Ѧ	
Ж	П	
ДЗ	Р	
Ж	С	

Нетрудно заметить, насколько далека эта азбука от современной. Из оригинальных букв, соответствующих особенностям языка мы здесь находим Ж (современное) Ж, Ѣ современное з, і, j и Ѧ.

Но из этих ученых никто не имел радикального влияния на судьбу зырянского шрифта. Никаких мероприятий в этом направлении не выдвигалось. Работы на зырянском языке продолжали писать или латинским шрифтом (Söran, Olan vulan и т. д. ⁵⁾ или русским (Теньдъ силам, теньдъ бурсіам, теньдъ благодарिताмъ Мезось и кенмысям енмо міян ⁶⁾), или славянским, употреблявшимся для более отчетливого рукописного текста, или смешанным русским и зырянским, каким, например пользовался Лыткин при печатании своей книги.

Г. Лыткин на сцену истории развития зырянской письменности выступает во II-й половине 19 века. Он является не только ученым, знатоком своего языка, но и известным реформатором.

Под углом критического обзора и систематизации всего предшествующего опыта Лыткин дает основы зырянской грамматики, указывает пути

³⁾ Г. С. Лыткин—Зырянский язык и зырянский край при епископах пермских.

⁴⁾ И. Куратов — „Зырянский язык“, Вологодские губернские ведомости № 23 за 1865 г. и стихотворения в этом же журнале за № 1866 г.

⁵⁾ Академик Видеман—Зыряно-немецкий словарь.

⁶⁾ Отрывок из перевода „Божественной литургии“.

создания литературного языка, предлагая усиленно бороться с русско-зырянским жаргоном и советуя деятельно работать над восстановлением утраченных чисто народных слов и оборотов языка.

Но этого мало, Лыткин, исходя из фонетических особенностей языка, со всей категоричностью ставит вопрос о зырянской азбуке, до сих пор не имевшей своего начертания, соответствующего произношению.

Под влиянием финского финнолога Шегрена Лыткин впервые выдвигает научно-обоснованный зырянский шрифт, где со всей категоричностью отбрасывается „Б“ и вводится на место этого соответствующие изображения мягких согласных звуков.

Вот начертания букв этой азбуки:

а,	е,	і,	о,	õ,	у,	ы,
б,	в,	г,	д,	ж,	з,	к,
л,	м,	н,	п,	р,	с,	т,
ч,	ш,	д,	(современное ф),			
з,	(з),	л	(л),	н	(н),	
с,	(с),	т	(т),	ч,		
дз	(з),	ДЖ	(ж),	ј,		

Так было положено первое начало научно обоснованной зырянской письменности, которой, однако, не суждено было развиваться при Лыткине.

Руссификаторская государственная политика давала знать себя очень основательно. Так называемая зырянская интеллигенция, в огромном большинстве выходцы из духовенства, отдалялась от народа, живя в пределах только своей корпорации. Интеллигенция признавала только русский, более культурный язык, часто стесняясь своего родного языка и боясь в чужом кругу выдавать себя за зырянина.

Спроса на родную печать со стороны трудового населения не могло быть. Зыряне, жившие на глухих окраинах отдельных губерний и уездов, были разъединены и экономически и культурно.

Грамотность стояла очень низко. Существовавшие в начале II пол. 19 в. школы Ведомства государственных имуществ и церковные владели жалкое существование. Учителями были мастера грамоты из бывших солдат, а также дьячки, сами еле-еле разбиравшиеся в грамоте. Да и этих школ было далеко недостаточно по количеству. Так, на территории бывшего Устьсысольского и зырянских волостей Яренского уезда в 1870 году числилось школ и учащихся:

	Ведомства государственных имуществ.		Церковных.		Частных.	
	Школ.	Учащих-ся.	Школ.	Учащих-ся.	Школ.	Учащих-ся.
В Устьсысольском уезде	10	318	32	438	—	—
В зырянских вол. Яренского уезда	6	265	21	208	1	70
Всего	16	583	53	646	1	70

Подъем массового начального образования начинает иметь место только с открытием Земства, т. е. с 1871 года.

Так, в этом году одна Устьысольская Земская Управа открыла 2 школы и взяла на свое содержание 10 школ, существовавших на средства шестикопеечного сбора с крестьян.

К концу 19 века, с проникновением на Север иностранного капитала, бюджет Земства рос. Устьысольское и Яренское Земство, издавна славившиеся своей экономической мощностью, расширяли школьную сеть. Вначале 20 столетия эти уезды, заселенные зырянами, были весьма близки к осуществлению всеобщего обучения⁷⁾.

Казалось бы с развитием грамотности создавалось одно из главных условий для перехода на родное печатное слово, но на деле, однако, было далеко не так.

Родной язык попрежнему оставался в загоне. Влияние русской школы было настолько сильно, что оканчивающие ее зыряне в огромном большинстве выносили из школы недоброжелательное отношение к родному языку. Чуть-чуть выделившийся по своей грамотности из общей массы населения уже начинал стесняться своего происхождения. Царское правительство усиленно старалось ассимилировать зырян с русскими. Во многих школах запрещалось говорить на зырянском языке. Провинившиеся учащиеся подвергались наказаниям.

В такой обстановке, конечно, невозможно было рассчитывать на хорошие перспективы развития своей литературы. Редко, редко печатались на зырянском языке русским шрифтом отдельные статьи, имевшие своей целью распространение среди населения или какое-нибудь важное царское событие, или житие прославленного святого.

На такую жестокую национальную политику, естественно, следовало ожидать реакцию со стороны некоторых слоев зырянского общества. Эта реакция действительно имела место в форме усиленных вспышек популяризации родного печатного слова,

В среде передовой части трудового крестьянства, главным образом зырянского учительства, писались и распространялись стихи, призывавшие к свободе, готовились научные работы по языку и делались литературные попытки напомнить русскому общественному мнению о затерянном в лесах Коми народа, претендующем на выявление своей национальности.

Таких лиц, правда было очень немного, они насчитывались единицами, но в истории развития зырянской письменности они, как инициаторы работ по развитию родной письменности, сыграли свою роль после Октябрьской революции, впервые провозгласившей право на самоопределение мелких народов.

В 1918 году В. Молодцов предложил на обсуждение коми шрифт, представляющий собою видоизменение, в целях практического удобства, начертаний лыткинского шрифта. После продолжительных дискуссий, при наличии непримиримых противников, шрифт в теперешнем его виде был принят и утвержден Устьысольским исполкомом.

В том же году под коми шрифт были подведены первые свинцовые основы.

Таким образом, Коми народ получил широкую возможность самостоятельной работы по созданию родного печатного слова. За десять лет революции в этом направлении сделан гигантский шаг вперед. Коми литература насчитывается уже сотнями названий. Этому славному периоду подъема национальной культуры история коми в свое время, конечно, ответит подобающее место.

⁷⁾ Текущая школьная статистика Вологодского Губернского Земства, вып. 12, изд. 1924 года.